

Их Гершвина нашими руками НЕ ВОЗЬМЕШЬ

Русский Телеграф, -1998.- 19 февр. - с. 10
**Завершился фестиваль Гершвина
в Санкт-Петербурге**

В понедельник «Русский Телеграф» уже рассказывал о том, как, заблаговременно отмечая сентябрьское 100-летие Джорджа Гершвина, Петербург и Москва провели гершвиновские фестивали. В северной столице фестивальных концертов было больше, и фестивальные открытия нашли слушателей именно там, откуда принято вести корни великого американца: напомним, что родителями Гершвина были еврейские иммигранты из Петербурга. Интернациональные качества музыки Гершвина подтвердили и состоявшиеся там вечера.

Явно лучшим из концертов фестиваля стал вечер 14 февраля в Капелле. Французский ансамбль *Musique oblique* («Косая музыка») — струнный квартет, кларнет, контрабас и фортепиано — представил программу «Американская ночь». Мало сказать, что она была тщательно выстроена. Это был единственный концерт, полностью отвечавший названию всего фестиваля — «Мир Гершвина». Нам дали увлекательное представление о музыкальной культуре США целого века. Первое отделение было посвящено музыке, которой питался Гершвин: Айвз, Копленд, Барбер. Второе — музыке, что сама им питалась или от него отталкивалась: Бернстайн, Гласс, Заппа, а также сравнительно молодые французы Конессон и Дюзанпен с мелкими проамериканскими опусами.

Признание, которое имеет *Musique oblique* на Западе, оказалось совершенно заслуженным. Удивительны не сами по себе точ-

ность совместной игры, острота ритма и впаивность каждого участника в общее тело. Удивительно то, что имеется сверх всего этого: все четыре степени свободы, какими бы «неудобными» ни были ноты. Кажется, сыграй любой из них свою партию — и одна она составит отдельную пьесу. Не зря именно «косые музыкасы» были избраны величайшим современным дирижером Филиппом Херевегом для записей музыки Форе, Брукнера, Малера, Шенберга, Вайля.

И вот этот блистательный коллектив сделал оправой для черной певицы Джо Энн Пиккенс. Более убедительного исполнения песен Айвза, Копленда, Вайля мне слышать не доводилось. Помимо этнографических достоинств, которыми обладает Вивиан Мартин (ее относительные успехи мы описывали в прошлой публикации), Пиккенс имеет настоящий голос, не траченный временем, и дивную культуру пения-речи, а равно и бельканто. Когда зазвучали спиритизм, непонятно было, откуда взялась эта музыка и отчего бы ей не быть нашей, европейской: в общий котел пошли и итальянское пение, и блюзовое бормотание, и свинг. Все смешалось на сцене, а первая скрипка совершила конферанс на красивом русском языке. Крайне редко бывает в Капелле такой аншлаг, и вся питерская публика должна быть благодарна Французскому институту в Санкт-Петербурге, привезшему в наше культурное захолустье исполнителей мирового класса в расцвете сил.

Должна она благодарить и Владимира Фейертага. Пламенный мотор фестиваля сделал Гершвину от-

Для группы «Дайджест» Гершвин оказался не менее крепким орешком, чем для больших академических составов

личный промоушен: все шесть дней народ ломился на него, как на Ростроповича. Последний концерт в Большом зале филармонии оказался наиболее разнородным. Дивный пианизм Орина Гроссмана (он играл обе рапсодии для фортепиано с оркестром — Вторую и знаменитую Первую, *In Blue*) был неделикатно, на обычный манер облаян вторым филармоническим составом. Не покидало чувство, что оркестранты почему-то очень не любят своего шефа Александра Дмитриева и на корню глушат все его начинания по приданию аккомпанементу большей вежливости. Oriana Grossman такой строгий режим, впрочем, не смутил. Его утонченная деловитость впечатлила тем более, что столь свободно распоряжаться намерениями автора может лишь исполнитель, который головой и сердцем впал в традицию. Да так оно и есть: Гроссман, начав как классический пианист, стал затем крупнейшим авторитетом-дждорджеведом: изучил пластинки с его записями, расшифровал их. Теперь и мы могли услышать живьем настоящие импровизации и подлинные обработки Гершвина: 13 февраля в Доме Кочевой Гроссман дал сольный концерт «Так играл Гершвин». Здесь неточность: правильнее стиль Гроссмана назвать «Вот как надо играть Гершвина».

Весьма оригинален был замысел закончить фестиваль не всеобщим

ликованием, а релаксом. Вокальная группа «Дайджест» в сопровождении усеченного состава АСО спела десяток длинных и не вполне занимательных обработок песен Гершвина пера Дмитрия Серебрякова. Задолго до конца народ потянулся к выходу. Горячие и упругие штуки, коими баловался композитор, были разжижены почти до попсы, до потери пульса. Музыкальное малокровие — диагноз не только самих обработок, но и манеры пения «Дайджеста». Куда ушла витальность этих одаренных и опытных вокалистов, когда они поднялись на академическую сцену?

Четыре академических концерта «Мира Гершвина» показали, что люди, играющие классику, с трудом могут совладать со стихией свободной полустройной традиции. Для этого нужно или посвятить ей лучшие годы, как Орин Гроссман, или всего-навсего быть европейски (плюс американски) образованными музыкантами, как *Musique oblique*. Слишком далеко от нас до живой Америки, куда сто с лишним лет назад въехали на ПМЖ будущие родители Джорджа. Если бы американский консул в Петербурге не явился 15 февраля в БЗФ трактовать родство культуры, никто бы и не вспомнил, что будь тогда правила въезда нынешними — не видать бы нам фестиваля, а миру — Гершвина.

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ